

Религиоведение. 2023. № 2. С. 27–37.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 2. P. 27–37.

DOI: 10.22250/20728662_2023_2_27

Попова О.Д.

*Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы 46
od-popova@mail.ru*

Учительская корпорация преподавателей духовной семинарии: источники и пути воссоздания коллективного портрета (на материалах Пермской духовной семинарии)

Аннотация. В статье исследуется образ преподавательской корпорации духовной семинарии на примере преподавателей Пермской духовной семинарии. Деятельность корпорации рассматривается в контексте общественного положения духовных семинарий на рубеже XIX–XX веков. Цель исследования – показать источниковедческий потенциал документов для восстановления образа преподавательской корпорации, с тем чтобы проследить, какое влияние преподаватели оказывали на учеников. Данная проблема ещё не рассматривалась в научной литературе. Актуальность вопроса обусловлена необходимостью осознания факторов, которые влияли на протестное движение семинаристов на рубеже XIX–XX веков, а также того, какую роль играли педагоги в жизни учеников. В статье рассмотрен механизм работы с документами, отражающими историю преподавательской корпорации Пермской духовной семинарии. Сложность данного вопроса состоит в том, что изучение работы преподавателей, их методики и влияния на учеников требует привлечения разнообразных источников. Основными источниками данной статьи являются мемуары воспитанников Пермской духовной семинарии, материалы Учебного комитета, адрес-календари. Ученики в своих мемуарах очень ярко и образно рассказывали о деятельности учителей. Однако сложность работы с данными материалами состоит в том, что мемуары порою бывают субъективны, а сведения, которыми оперируют их авторы – неточны. Проведённое исследование демонстрирует специфику каждого документа как исторического источника, показывает, что комплексный анализ документов позволяет преодолеть субъективность мемуаров, неточность изложенных сведений. На основе анализа комплекса документов Пермской духовной семинарии автор приходит к выводу, что преподаватели на рубеже веков не являлись монолитной силой. В условиях общественного подъёма поиск своего места в жизни занимал не только учащихся, но и обучающихся. Замкнутая сословная структура общества создавала ощущение бесперспективности существования, чувство социальной незащищённости. Это ощущение вырабатывало различные ответные реакции и жизненные позиции среди преподавателей, которые нередко сказывалась на учениках. Члены преподавательской корпорации очень по-разному относились к власти, некоторые из них пополняли ряды оппозиционных сил, расшатывая систему изнутри.

Ключевые слова: духовные семинарии, протестное движение, учительская корпорация, мемуары, исторический источник

Olga D. Popova

*Ryazan State University n.a. S.A. Yesenin
46 Svobody str., Ryazan, 390000, Russia
od-popova@mail.ru*

Seminary Teachers' Corporation: Recreating a Team Portrait (Based on the Documents of the Perm Theological Seminary)

Abstract. The article treats documents related to the teachers of the Perm Theological Seminary. It investigates seminary teachers' corporations and analyzes the Perm Theological Seminary against the background of other seminaries at the turn of the 19th – 20th centuries. The aim of the research is to highlight the importance of original documents as a rich source of information for researchers engaged in the investigation of the influence seminary teachers had on their students. The relevance of this previously uninvestigated issue consists in the fact that it is essential to recognize factors accounting for seminary students' rebellious mood at the turn of the 19th – 20th centuries. It is also essential to understand the role teachers played in their students' lives. The article treats the mechanism of working with documents relating to the history of the teachers' corporation of the Perm Theological Seminary. It is a complicated task, for in order to investigate teaching methods and

teachers' influence on their students, one should analyze various sources. The article mainly relies on memoirs written by seminarians of the Perm Theological Seminary, proceedings of the Academic Committee, guides. Students' memoirs contain a lot of bright and vivid descriptions of their teachers' work. However, the fact that memoirs are often subjective and the information they contain may be misleading makes it really difficult to work with this source of information. The article underlines the specific character of each document as a historical source, it highlights that complex analysis of documentary sources enables a researcher to overcome subjectivity and ambiguity of memoirs. A complex analysis of documents of the Perm Theological Seminary enables the author to conclude that at the turn of the 19th – 20th centuries, when social activity was relatively high, both teachers and students were avidly searching for their place in life. Rigid social stratification enhanced the feeling of social insecurity and stagnation, which resulted in teachers' social standing and had an impact on their students as well. Members of the teachers' corporation had different views on the government, some joined the opposition destroying the system from within.

Key words: theological seminaries, protest movement, teachers' corporation, memoirs, historical source

Духовные семинарии на рубеже XIX – начала XX века играли существенную роль в жизни общества, особенно в жизни русской провинции, где учебные заведения порой аккумулировали в себе все значимые общественные события. В этот период стремительная перестройка общественного уклада вызвала различные процессы: ломка традиционной сословной структуры, развитие различных социальных институтов, при этом нарастающий водоворот протестных движений втягивал в себя всё больше и больше участников. Представляется, что для понимания социальных процессов, в которой немалую роль играли духовно-учебные заведения необходимо понимать значение корпорации учащихся и учащихся, а также то, какое место они занимали по отношению к друг другу. Роль семинаристов в общественной жизни сегодня очень часто осмысливается через понимание целей образования и его содержания, особенностей повседневной жизни учащихся, специфики протестного движения учащихся.

В меньшей степени показаны особенность функционирования учительской корпорации, её настроения, влияние на своих подопечных. Понимание этого вопроса во многом позволит лучше осознать проблемы, которые приходилось решать духовной школе на рубеже веков. Опыты, связанные с описанием коллективного портрета учительской корпорации в современной литературе, встречаются очень редко и в основном носят поверхностный и описательный характер. В частности, в качестве примера можно привести обращение к описанию учительской корпорации Белгородской семинарии, которое построено на изложении основных биографических данных преподавателей семинарии [Протоиерей, 2017, 23–41].

Формальный состав преподавательской корпорации возможно установить по Уставу духовных семинарий, в котором определялся штат данных учреждений. С соответствием с Уставом 1884 года штат одноклассной духовной семинарии состоял из ректора, инспектора, помощника инспектора, учителей: 1) священного писания и библейской истории, 2) основного, догматического, нравственного и сравнительного богословия, 3) гомилетики и практического руководства для пастырей, 4) церковной истории, 5) гражданской истории, 6) словесности и истории Русской литературы, 7) логики, психологии и философии, 8) алгебры, геометрии, пасхалии и физики, 9) греческого языка, 10) латинского языка, 11) французского, 12) немецкого, 13) еврейского, 14) церковного пения [ПСЗ Собрание 3. Т. 4 (1884): штаты и табели. С. 253]. Непосредственно пофамильный список отражался в адрес-календарях, а также в отчётах учебных заведений. Отчёты, представляемые в Учебный комитет, включают в себя пофамильный список преподавателей, а также фиксируют передвижения по службе, перемену мест работы. Например, отчёт Одесской духовной семинарии за 1873/1874 год так фиксировал изменения в личном составе: «Учитель греческого языка студент семинарии Василий Левицкий, но в начале учебного года он оставил училище и на место учителя греческого был определён студент семинарии Николай Величков, ему были переданы 2 и 3 классы, а также возложены обязанности надзирателя и репетитора» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Отчёты. Разд.-1. Д. 103. Л. 281 об.].

Такие данные являются бесценными для восстановления или подтверждения факта работы конкретного человека в конкретном учебном заведении. Не мень-

шей ценностью в этом плане обладают некрологи. Однако для понимания роли учительской корпорации в функционировании семинарий как социального института необходимо выйти за рамки официальных биографических данных, показать взаимодействие учителей с учениками, особенности их педагогической деятельности. Представляется важным проследить, какие источники могут быть полезными для конструирования коллективного портрета преподавателей, определить роль каждого вида документов в таком познании.

Большим потенциалом обладают мемуары семинаристов. Их использование позволяет познакомиться с особенностями учебного процесса, образами преподавателей, а также получить сведения, которые выходят за рамки официальных источников информации. Как правило, воспоминания учеников изобилуют описаниями людей, работавших в духовных семинариях – учащих и начальствующих. Следует отметить, что мемуары учеников – это довольно редко встречающийся вид источника, за перо авторы подобных текстов брались добровольно, тем более никто не обязывал их передавать свои произведения в архив. Поиск источников личного происхождения – это отдельная задача исследователя, обнаружение же подобных документов – редкая удача. Особенным везением считается обнаружение целого комплекса мемуарных текстов об одном учебном заведении, т.к. такие находки позволяют увидеть функционирование конкретной семинарии через призму разноstonных отзывов [Корнилова, 2012, 67–69].

Обращение к образу преподавательской корпорации Пермской семинарии в настоящей статье неслучайно, поскольку по истории данного учебного заведения сохранились два текста мемуаров за авторством двух семинаристов. Один из них был обнаружен в отделе рукописи Российской национальной библиотеки. Это рукопись, принадлежащая бывшему ученику Пермской духовной семинарии Владимиру Александровичу Яхонтову, который учился в семинарии в конце XIX века – с 1886 по 1889 годы [ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107].

Второй корпус воспоминаний принадлежит Василию Алексеевичу Игнатьеву, который учился в Пермской семинарии немногим позже – в 1902–1909 годах. Его мемуары хранились в составе «Коллекции документов деятелей культуры, науки и техники и других лиц, собранная уральским писателем-краеведом В.П. Бирюковым». В 2017–2018 годах Государственный архив Пермского края осуществил публикацию текста воспоминаний Игнатьева [Игнатьев, 2017–2018].

Одновременно необходимо помнить, что особенностью мемуаров как исторического источника являются субъективность, определённое искажение фактов в силу забывчивости автора, предвзятость в силу разного жизненного опыта и жизненных убеждений. При этом необходимо учитывать, в каких условиях писались эти тексты, что побуждало авторов обратиться к воспоминаниям о своей юности.

Интересно, что и Яхонтов, и Игнатьев взялись за перо уже на склоне лет. Владимир Яхонтов приступил к написанию своих мемуаров в 70-м летнем возрасте – в предвоенные годы и первые годы Великой Отечественной войны. Его мемуары подробно рассказывают о разных сторонах жизни: учёба в училище, потом в семинарии, время, проведённое на каникулах дома, попытки собственной реализации за стенами семинарии. Таким образом, семинарская тема выступает в данном случае как часть биографии автора.

В.И. Игнатьев также взялся за перо в последние годы своей жизни, но в его случае это уже 1950–1960-е гг. Безусловно этот факт мог существенно повлиять на содержание описываемых событий, на точность изложения фактов и, самое главное, на трактовку событий.

При анализе текста следует учитывать, что оба автора впоследствии не связали свою жизнь со священническим саном, а посвятили жизнь педагогической деятельности. Это сказалось на трактовке излагаемых событий. Отказ от карьеры священнослужителя был для обоих авторов добровольным выбором. Оба они поступили в семинарию в силу семейных обстоятельств. Владимир Яхонтов являлся сиротой и имел право на бесплатное содержание в духовном училище и духовной семинарии. Однако курса он не окончил и был отчислен из семинарии с формальной пометкой «за неуспешность». Хотя из его воспоминаний следует, что истинная

причина состояла в увлечении автора передовыми идеями общественной мысли [ОР РНБ. Ф. 1000 Оп. 7. Д. 107. Л. 530].

Василий Игнатъев также был сыном бедного священника – и обучение в семинарии давало ему возможность получить содержание в семинарской бурсе. После завершения курса семинарии он продолжил обучение в Казанской духовной академии, а затем занимался преподавательской деятельностью в различных учебных заведениях, в том числе в своей родной семинарии. Он также продолжал преподавать уже после Октябрьской революции.

Для составления коллективного портрета большое значение имеет учёт исторических условий. Конец XIX века – это период, когда духовные семинарии в полную силу испытали на себе эпоху контрреформ Александра III. В 1884 году был принят новый устав духовных семинарий, в соответствии с которым ученики, закончившие 4-й общеобразовательный класс, лишались права поступать в университет (как предписывал устав 1867 года). Жёсткий и замкнутый мир бурсы порой стимулировал интерес семинаристов к общественным и протестным движениям, чтению произведений передовой общественной мысли, некоторые из них пополняли ряды революционных кружков. Хотя анализ протестных движений ярко свидетельствует, что воспитанники духовных семинарий в целом были далеки от революционного движения и волнения в семинарии в основном были связаны с решением внутренних проблем [Попова, Попова, 2017, 44–45; Прахт, 2012, 135].

Опыт изучения воспоминаний Пермских семинаристов позволяет наметить методику воссоздания коллективного портрета учительской корпорации через призму воспоминаний и возможные способы заполнения неизбежных лакун.

Существенную роль могут сыграть документы Учебного Комитета Св. Синода, в частности, материалы ревизий, которые регулярно проводились чиновниками Учебного комитета. Часть сведений в таких отчётах обладает безусловной объективностью. Это данные, касающиеся истории учебного заведения, описание здания, личные данные преподавательского состава, состав учащихся. Схема отчёта ревизора была стандартной и определялась должностными инструкциями. Это позволяет исследователю более чётко понимать, какие факты и данные можно встретить в материалах ревизий – и что можно в них искать.

Обязательным пунктом отчёта являлся раздел, в котором ревизор отмечал результаты посещений уроков и составлял характеристику на учителей и методику их преподавания. Например, о преподавателе литургии в Пермской духовной семинарии ревизор в 1908 году оставил следующую запись: «кандидат казанской духовной академии выпуска 1904 года Н. Знамировский (на службе с 16 сентября 1904 года, этот преподаватель хоть и светского происхождения (сын чиновника пермской епархии), но преданный интересам церкви и благотворно влияющий на воспитанников в смысле возбуждения в них пастырского настроения» [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1908) Д. 224. Л. 13–14об.]. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что ревизор оценивает преподавателя как члена корпорации именно по сословному признаку. Для него выходец не из духовного сословия – по умолчанию чуждое лицо в преподавательской корпорации духовной семинарии. И в данном случае Н. Знамировский для ревизора – это счастливое исключение.

Работа с документами ревизий Воронежских, Орловских, Рязанских, Пермских, Костромских духовно-учебных заведений позволила прийти к выводу, что оценка отдельных событий чиновником Св. Синода, оценка работы преподавателей и руководства семинарии зависела от исторической ситуации, а также – от личного настроения ревизора [Попова, 2018]. Как правило, стандартная ревизия проводилась раз в несколько лет, хотя точную периодичность выделить трудно. Обычно в отчётах ревизий конца XIX века проблемные моменты внутренней жизни семинарии ревизором сглаживались. Само начальство не желало обострять обстановку и выносить сор из избы. В начале XX века, когда духовные семинарии начали сотрясать брожения и волнения, назначалась внеочередная ревизия по факту беспорядков. В таких отчётах проблемы духовной школы отражались более рельефно. По истории пермской духовной семинарии за годы, которые охватывают период, отражённый в этих мемуарах, состоялось шесть ревизий Пермской духовной семинарии, которые

проводились в разные годы во второй половине XIX и начале XX веков. Ревизия по факту беспорядков в Пермской духовной семинарии проводилась в 1902 году [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1902). Д. 9]. А затем волнения и брожения в духовной школе стали настолько обыденным делом, что данный факт перестал отражаться в заголовках отчётов как что-то из ряда вон выходящее – и факты нарушения воспитанниками дисциплины и норм религиозного поведения, недостатки в работе преподавательского состава уже излагались как обычные рутинные события. Представляется, что это говорит не о росте объективности ревизоров, а о том, что проблемы духовной школы стали настолько острыми, что Учебный комитет был вынужден признавать наличие проблемы и мучительно искать пути её решения. В революционные годы (1905–1907) проверки вообще не проводились, ревизор доехал до Пермской семинарии только в 1908 году.

В мемуарах Яхонтова и Игнатъева встречаются образы ректоров В.И. Лепешинского и К.М. Добронравова. Яхонтов весьма кратко характеризует В.И. Лепешинского как ректора, который был очень далёк от самих воспитанников, не знал их имена и фамилии, и который для них «никогда ничего не делал, ни добра, ни зла» [ОР РНБ. Ф. 1000 Оп. 7. Д. 107. Л. 387.]. По свидетельству Игнатъева К.М., Добронравов производил на учащихся сильное впечатление – как громовержец Зевс, как человек огромного самомнения, но именно этим он в первую очередь запомнился ученикам, а не ролью руководителя и наставника [Игнатъев, 2017, 83].

Как свидетельствуют оба автора, гораздо большее значение в жизни семинаристов играли инспекторы и их помощники. Именно они контактировали непосредственно с учащимися и именно на них лежала организация внутренней жизни семинарии, поддержание дисциплины и соблюдение внутреннего распорядка. Яхонтов обрисовал в своих воспоминаниях деятельность инспекторов Н.Н. Ливанова, З. М. Благодравова и П.С. Потоцкого. Игнатъев, который учился позже, свой отзыв о Потоцком составил со слов старших товарищей и более подробно описал деятельность Александра Павловича Миролубова. Сопоставление обоих текстов позволяет воссоздать совершенно различные подходы в работе с учениками инспекторов П.С. Потоцкого и А.П. Миролубова.

Оба автора описали Потоцкого как очень злого и мстительного человека, который не умел найти общего языка с семинаристами, а его основным методом работы с воспитанниками было шпионство. Как отмечает Яхонтов, для Потоцкого служба в семинарии была этапом карьерного роста, он приехал туда с настроением подавить смуту. Также в неблагонадёжности он подозревал и своих коллег – преподавателей. Среди учеников семинарии он получил кличку «Крыса»: «Это не был крупный матёрый зверь, а правда, очень зловредный и очень вонючий, и наглый, но маленький злобный зверёк» [ОР РНБ. Ф. 1000 Оп. 7. Д. 107. Л. 392].

Отчёты ревизоров свидетельствуют, что первоначально методы работы Потоцкого вполне устраивали Учебный комитет и его даже предлагали представить к награде [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1899). Д. 30. Л. 24]. В 1899 году ревизор писал о его деятельности в должности инспектора так: «Инспектор Потоцкий – человек энергичный, настойчивый и твёрдый. Ему семинария обязана многим» [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1899). Д. 30. Л. 24]. Недостатки в его работе ревизоры увидели уже тогда, когда в семинарии начались волнения, которые уже не могли ускользнуть от внимания начальства. Так, в отчёте за 1903 год Статский советник Савитский отмечал: «Недовольство П.С. Потоцким как инспектором явилось, по словам учеников, следствием его грубости, несправедливости к ученикам и, наконец, открывшегося шпионства среди учеников. “П.С.”, говорили ученики, не признаёт личности, не выслушивает объяснений, не верит оправданиям, человек грубый, жестокий, кричит на учеников, топает ногами, машет рукой, на оправдание одного ученика крикнул: “врѣшь ты, подлец”» [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1903) д. 44. Л. 61об]. Одновременно свидетельством помощника инспектора семинарии Ивана Сахорова демонстрирует, что Потоцкий сам очень боялся своих воспитанников и его грубое поведение было следствием неумелости, а не внутренней убеждённости. И. Сахоров приводит в своей служебной записке пример, когда Потоцкий уклонился от присутствия в столовой, чувствуя тревожные настроения учеников [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1902). Д. 9. Л. 20об].

Свидетельство о том, что Потоцкий в 1902 году в конце концов покинул семинарию, зафиксировано в воспоминаниях Игнатьева [Игнатьев, 2017, 92]. Однако сами авторы воспоминаний точно не указывают конкретных сведений о дальнейшей судьбе инспектора. Недовольство им начальства позволяет предположить, что его могли уволить. Однако к таким радикальным мерам Учебный комитет прибегал очень редко и, как правило, совсем по другой причине – из-за беспробудного пьянства. Работа с документами Учебного комитета показала, что в случае конфликтных ситуаций преподавателей, вызывающих сильное недовольство, переводили в другие учебные заведения. И здесь возникает вопрос: как прояснить данный вопрос? Большую помощь в этом деле могут оказать адрес-календари, в которых указывались все государственные служащие и должностные лица по губерниям. Последовательный просмотр списков всех служащих лиц по духовному ведомству за 1904 год позволил обнаружить фамилию Потоцкого в качестве инспектора Тамбовской духовной семинарии [Адрес-календарь. 1904, 1004].

Его преемник Александр Павлович Миролюбов заслужил гораздо больше уважения среди учеников, и Игнатьев пишет о нём в целом очень учтиво: «для нас П.А. был самым авторитетным человеком». Он нередко встречался со своими воспитанниками, беседовал с ними о литературе, пытался воздействовать на них – словом, даже в самые бурные волнения семинаристов. Именно повествование Игнатьева о Миролюбове позволяет пролить свет на то, как семинария пережила революционные волнения 1905 года и понять, почему ревизия приехала только в 1908 году: пермские семинаристы под влиянием общей революционной волны подали петицию о преобразовании семинарского учебного курса с требованием поступать в университет, а на другой день все ученики были распущены по домам. Таким образом, несмотря на довольно благодатную почву для волнений, пермской семинарии их удалось избежать [Игнатьев, 2017, 96]. Отзывы о деятельности учеников Миролюбова совпадают с оценкой ревизора Учебного комитета: «С самого начала своей инспекторской службы в семинарии с января 1903 года поставил себе задачу путём раскрытия перед учениками Христова учения применительно к их жизненному положению содействовать их внутреннему исправлению и созданию и развитию в них нравственного доброго христианского настроения» [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1908). Д. 224. Л. 17].

Также, сопоставляя мемуары и характеристики ревизоров, можно получить разнообразную информацию о работе преподавателей. Адрес-календари и материалы ревизий позволяют проверить достоверность излагаемых сведений и выявить ошибки и заблуждения авторов. Сопоставление материалов ревизий и мемуаров Яхонтова показывает, что автор неверно помнит фамилии некоторых преподавателей. В частности, Яхонтов описывает деятельность преподавателя греческого Чемоданова, который преподавал в паре с Петром Андреевичем Мстиславским. При этом описывает деятельность Чемоданова далеко не в лучшем свете: «дело своё он не любил, видимо тяготился им и вёл, как говорится, “спустя рукава”, как-нибудь, лишь бы только поскорее отделаться, как-нибудь провести время» [ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 405]. Однако документы ревизий свидетельствуют о том, что такого преподавателя в штате семинарии не было, вторым преподавателем греческого был Дмитрий Васильевич Гармонин. Сложно сказать – это сознательное изменение фамилии или забывчивость автора. Трудно предположить, что Яхонтов изменил фамилию преподавателя по этическим соображениям, поскольку его коллегу Петра Андреевича Мстиславского, чья работа подтверждается документами ревизии, он описывает в ещё более невыгодном свете. Он не скрывает серьёзного недостатка последнего – склонности к беспробудному пьянству, которое сказывалось на учебном процессе: «В полупьяном состоянии Мстиславский был свиреп, спрашивал всегда тех, в полном незнании которых был уверен, зло издевался над ними, поддерживая в них надежду, что они как-нибудь выплетутся на троечку – и вдруг резко и грубо обрывал эти надежды, торжественно вклеивая им в журнале толстые единицы» [ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 404]. Интересно, что пристрастие к алкоголю совершенно ускользнуло от внимания ревизора, ни в ходе ревизии за 1886 год, ни в 1891 году на этот факт внимания не обращалось. В 1886 году Мстиславский получил весьма

положительную характеристику: «Наставник знающий, серьёзно относящийся к делу. В 3 классе шёл довольно толковый перевод из Демосфена, ученики правильно делали разбор и переводили сознательно» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1886). Д. 8. Л. 83]. Но в ревизии за 1898 год упоминается уже другой преподаватель греческого – Понамарев [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1899). Д. 30. Л. 17об.].

Сопоставление мемуаров Яхонтова и Игнатьева, которые, как уже говорилось выше, учились в разные годы, позволяет выделить тех преподавателей, которые не просто много лет трудились в семинарии, но и стали легендами среди семинаристов. Таким в Пермской духовной семинарии был Фаминский Валерьян Дмитриевич, который 33 года преподавал историю словесности и историю литературы. Бурса окрестила Фаминского шутилой, но остроумной кличкой – «Химера». Эта кличка сохранялась и в начале XX века. Выросло не одно поколение учеников, отчисленных из первого или второго класса семинарии по причине неуспеваемости, которые часто на вопрос, почему они не окончили семинарию, лаконично отвечали: «из-за химеры» [Игнатьев, 2017, 105]. Однако характеристики, даваемые Фаминскому Яхонтовым и Игнатьевым, разнятся. Яхонтов отзываясь о нём как о человеке, который застрял в рамках древней русской литературы, красоту слога видевший только в славянском языке, не ценивший Пушкина и Лермонтова, Державина и Ломоносова ставивший несравненно выше их, требовавший зубрёжки и имевший пристрастие к нелепым старым произведениям литературы [ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 400]. Игнатьев также отмечает требовательность Фаминского и его пристрастие к древним литературным текстам, но в то же время вспоминает о чтении на уроках отрывков из произведений Пушкина, «Ревизора» Гоголя, с уважением отзываясь о том, как просто и доступно преподаватель умел объяснить материал, и отмечает, что написание сочинений при его высокой требовательности позволило ученикам на всю жизнь выработать грамотность и аккуратность в написании письменных работ, что некоторым очень пригодилось при поступлении в высшие учебные заведения [Игнатьев, 2017, 108–109]. Такая разница в оценках обусловлена не только профессиональным ростом преподавателя, но и субъективными факторами. Очевидно, Яхонтову учёба давалась гораздо труднее, чем Игнатьеву.

При этом мемуары могут показать стороны учебного процесса, которых не касался регламент и которые невозможно выявить через призму официальных документов. К таким вопросам относятся порядок учебного процесса, взаимоотношения учеников и учащихся. Анализ мемуаров семинаристов показывает, что традиционно учёба в семинарии середины XIX века была трудна для большинства учащихся. Например, выпускник Воронежской духовной семинарии А.П. Сердобольский, который учился в середине XIX века, отмечает, что геометрию семинаристы практически не понимали и просто зазубривали: «Не было сперва сказано, что значит эти а, в, с в алгебре, к чему ведётся речь о “прямых”, “углах” и т.д. в геометрии, понятно, что и дальнейшее преподавание должно был казаться тёмным лесом. Нужно было заучивать, что $a-b=z$ и пр., но это было заучиванием на подобие того, как попугай заучивает слова человека» [С-к-й [Сердобольский А.П.], 1899, 694]. Причина того – плохие учебники и слабый уровень преподавания. Духовная школа середины XIX века строилась в основном на зубрёжке.

Анализ мемуаров семинаристов, которые учились уже на рубеже XIX–XX веков, показывает, что ряд преподавателей менял методику преподавания, переходил к объяснению материала, и в то же время некоторые преподаватели продолжали основной упор делать на опросе учеников по заданному материалу из учебника. Воспоминания Яхонтова показывают, что учебники по алгебре также оставались малопонятными для учеников, а преподаватель Левиков был не способен объяснить её детям [ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 421]. Преподаватель латинского языка Николай Дмитриевич Маргаритов сводил свои уроки к опросу учеников, причём опрос одного ученика длился до 40 минут, основными баллами у Маргаритова были 1 и 3 [ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 411].

В то же время следует отметить, что Игнатьев в своих характеристиках преподавателей акцент делает не на методике преподавания, а на том, какое впечатление учитель производил на учеников, и одновременно не скрывает, что учащихся очень

интересовали подробности личной жизни преподавателей. Появление какого-либо наставника в театре или встреча в магазине могли стать предметом оживлённого обсуждения всего класса. Например, в очерке, посвящённом Александру Федосеевичу Успенскому – преподавателю раскола – автор мемуаров сосредоточил внимание на женитьбе Успенского на госпоже Меркурьевой, которая в городской молве слыла красавицей [Игнатъев, 2017, 133].

В то же время мемуары Яхонтова и Игнатъева демонстрируют, что на рубеже веков учительская корпорация не была монолитной и сплочённой. Некоторые из преподавателей наравне со своими учениками начинали втягиваться в оппозиционное движение, пытались бороться с патриархальными нормами воспитания.

Яхонтов рассказывает о преподавателе Св. писания, библейской и церковной истории Александре Ивановиче Тихомирове, который был самым молодым на тот момент учителем. На уроках он чувствовал себя неуверенно, но старался сблизиться с учениками, узнать каждого в отдельности. Поэтому он практиковал собрания учеников у себя дома, на которых он вёл беседы на литературные темы. Постепенно вокруг него сформировался кружок из жаждущих настоящего, а не казённого просвещения. На их собраниях звучали такие имена, как как Добролюбов, Писарев, Решетников и даже Чернышевский [ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 426]. Однако следует отметить, что среди воспитанников эти педагогические порывы в целом снискали очень осторожное отношение, такое поведение преподавателя не вписывалось в традицию семинарской бурсы. Интересно и ещё одно замечание Яхонтова: «Вот если бы ему пришлось преподавать историю словесности и литературы, то он, возможно, оказался бы незаурядным педагогом» [ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 426]. Поэтому можно предположить, что для Тихомирова такой кружок был попыткой самореализации и удовлетворения своих собственных литературных интересов.

Внеклассная деятельность Тихомирова осталась незамеченной для внешней ревизии, а ревизор оценил его преподавательскую работу в 1891 году высоко: «Из преподавания он строго доверяется указаний программы, останавливается только на важнейших местах, причём даёт изъяснения простые, краткие, но вполне достаточные для правильного уразумения текста Св. Писания. Ученики хорошо усвоили его объяснения и отвечали удовлетворительно» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1891). Д. 15. Л. 43об.]. Документы ревизии 1902 года свидетельствуют, что Тихомиров продолжал работать в семинарии, однако на тот момент руководство учебного заведения настаивало на его увольнении по причине тяжёлой болезни [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1903). Д. 44. Л. 50]. В целом история Тихомирова, восстановленная на основе свидетельств Яхонтова и документов ревизии, свидетельствует, что судьба преподавателя духовной школы была такой же безрадостной, как и у приходского священника – преподавание не любимых и желанных предметов, а тех, которые выпали волей судьбы, постоянный контроль со стороны начальства, небольшая зарплата и отсутствие гарантированной пенсии в случае болезни.

Мемуары Игнатъева позволяют узнать, что разочарование в системе духовно-учебных заведений испытывали и другие преподаватели. Среди них был и инспектор духовной семинарии Александр Павлович Миролюбов. Выше уже отмечалось, что он пользовался уважением среди учеников, его ценило начальство. Однако Миролюбов после первой русской революции в 1908 году принял решение оставить службу в семинарии и перешёл на службу в ведомство министерства Народного Просвещения. Учебному комитету оставалось только сожалеть о данном факте: «Ухода Миролюбова приходится жалеть: этот инспектор незаурядный человек, человек глубоко верующий и идеально настроенный» [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1908) Д. 224. Л. 17]. Однако руководство так и не осознало причину ухода талантливого и ценимого ими инспектора. Воспоминания Игнатъева проливают свет на этот вопрос: в годы первой русской революции Миролюбов очень ясно понял несовершенство системы духовных семинарий, их глубокий кризис и нежелание Учебного комитета как-то решать проблемы этих учебных заведений. Воспитательная система находилась в кризисе, большинство семинаристов грезило университетами, и мало кто собирался связывать свою жизнь со священством, Св. Синод интересовало только одно – как ученики соблюдают внутренний распорядок и выполняют христианские обязанно-

сти. В отчёте ревизора за 1908 год основное внимание в разделе «Воспитательная часть» обращено именно на поведение учащихся во время богослужений: «В церкви ученики стоят вообще не дурно, но относятся к богослужению с видимым безучастием, даже в самый торжественный момент большая часть воспитанников и крестного знамения на себя не полагают, тем более не делают земных поклонов» [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1908). Д. 224. Л. 22об.]. Внутренний мир семинаристов ревизора интересовал весьма слабо. В глазах учеников Миролубов так оценил функционирование духовных семинарий: «Семинария – это учреждение, которое существует скорее не для воспитания, а для питания» [Игнатъев, 2017, 97].

Необходимым штрихом к коллективному портрету является и тот факт, что некоторые преподаватели пытались открыто бороться с системой. Такие люди, выходявшие за рамки функционирования учебного заведения, создавали серьёзный повод для беспокойства со стороны начальства. Особенно сильно это беспокойство проявляли ревизоры, которые всегда были озабочены вопросом, на кого свалить вину за настроения и беспокойства семинаристов. Согласно отчёту ревизора за 1908 год, в Пермской семинарии образовалась группа преподавателей, которые составляли оппозицию начальству. Среди них ведущую роль занимали Струминский и Дроздов. Они являлись руководителями студенческого бюро, образованного в семинарии после октябрьской стачки. Позиция Струминского и Дроздова была настолько активной, что по инициативе гражданской власти у них был проведён обыск, которые не выявил ничего компрометирующего. В семинарии они высказывались против даже традиционных мер воздействия на учащихся. В частности, они выступили против обычной процедуры – сообщения родителям информации о слабых успехах их детей. Молодые педагоги объясняли это тем, что некоторые родители проявляли излишнюю строгость к детям и применяли меры физического наказания [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1908). Д. 224. Л. 19]. В целом ревизор с большим удовлетворением констатировал, что эти возмутители спокойствия переведены в другие учебные заведения. В данном случае в документе даже указывалось, куда были переведены преподаватели: Дроздов в Минскую семинарию, а Струминский – в Оренбургскую, преподавателем раскола [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1908). Д. 224. Л. 18].

Струминский оставил заметный след в воспоминаниях Игнатъева. Интересно, что об оппозиционных настроениях преподавателя Игнатъев не пишет. Он либо был не в курсе его деятельности, либо сознательно избегал участия в протестном движении. Что до воспоминаний о педагогической деятельности Струминского, Игнатъеву больше запомнилась его манера общения с учениками. Для них было необычно, что преподаватель обращается к ним с употреблением слова «господин»: «господин Иванов, господин Петров»: «назвать семинариста господином, это было так для нас ново, что показалось каким-то откровением, сменой вех» [Игнатъев, 2017, 143]. Также необычно было для учеников то, что преподаватель на своих уроках говорил о книге Н.А. Морозова «Откровения в огне и буре». Её автор был приговорён к двадцатилетнему тюремному сроку, и в тюрьме смог дать необычное толкование библейскому учению, в семинариях преподаватели не решались говорить о подобном своим ученикам. Ценность воспоминаний Игнатъева состоит и в том, что из них мы можем узнать о дальнейшей судьбе Струминского. Ему удалось не погрязнуть в революционном движении до 1917 года, счастливо избежать трагических ломок судеб в 1930-е гг. и достичь статуса профессора педагогики Московской педагогической академии. Автор воспоминаний узнаёт о его жизненном пути, увидев публикацию в «Учительской газете» [Игнатъев, 2017, 146].

Таким образом, в процесс воссоздания коллективного портрета преподавателя духовной школы имеет большое значение использование источников личного происхождения и сопоставление полученной информации с материалами ревизий учебного комитета. Это позволяет не только дополнить сведения и заполнить определённые лакуны, выявить ошибки, но и увидеть разницу в представлениях об идеальном педагоге в глазах учеников и начальства.

Описывая обобщённый портрет преподавателя духовной семинарии, можно отметить, что это был выходец из духовного сословия, место службы в семинарии для него было порой вынужденным. Права выбирать преподаваемый предмет педа-

гогу не предоставлялось, поскольку его определяли на место службы в соответствии с наличием свободной вакансии. В условиях общественного подъёма поиск своего места жизни занимал не только учащихся, но и учителей. Замкнутая сословная структура общества создавала ощущение бесперспективности существования, чувство социальной незащищённости. Это ощущение вырабатывало различные ответные реакции и жизненные позиции, которые нередко сказывалась на учениках. Для некоторых служба была рутинной обязанностью, не создавала стимулов для совершенствования методов преподавания, для других это была возможность карьерного роста, такие преподаватели видели своей целью жёсткое следование Уставу и занимали самые одиозные позиции по отношению к своим воспитанникам. Именно они создавали самые грозные образы учителя духовной школы. Среди молодых учителей были и те, кто втягивался в различные формы общественных движений, их давила гнетущая атмосфера духовных семинарий, и, таким образом, они расшатывали и без того беспокойный мир духовной школы изнутри.

Список сокращений

ПСЗ – полное собрание законов Российской империи

РГИА – Российский государственный исторический архив

ОР РНБ – отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Библиографический список

1. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1904. – СПб., 1904. – 150 с.
2. Игнатъев, В.А. Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX века / В.А. Игнатъев. – 2017–2018. – Ч. 1–2.
3. Игнатъев, В.А. Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX века / В.А. Игнатъев. – 2017. – Ч. 1. – 320 с.
4. Корнилова, И.В. Воспоминания учащихся духовных учебных заведений как исторический источник / И.В. Корнилова // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 11–2. – С. 67–69.
5. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107.
6. Попова, О.Д. Материалы ревизий духовно-учебных заведений как исторический источник и роль в прочтении мемуаров семинаристов / О.Д. Попова // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2018. – № 1 (58). – С. 7–17.
7. Попова, О.Д. Бунтующая семинария: протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX – начало XX веков) / О.Д. Попова, А.Д. Попова // Новый исторический вестник. – 2017. – № 2 (52). – С. 39–56.
8. Прахт, Д.В. Протестное движение в Тобольской духовной семинарии в начале XX века / Д.В. Прахт // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2012. – № 2. – С. 133–138.
9. Протоиерей, А.К. Страницы истории Белгородской духовной семинарии в лицах / А.К. Протоиерей // Духовные школы на рубеже эпох: уроки истории. Материалы научно-богословской конференции. Курская православная духовная семинария. – 2017. – С. 23–41.
10. ПСЗ. Собрание 3. Т. 4 (1884): штаты и табели. С. 253.
11. РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1899). Д. 30.
12. РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1902). Д. 9.
13. РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1903). Д. 44.
14. РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1886). Д. 8.
15. РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1908). Д. 224.
16. РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1891). Д. 15.
17. РИГА. Ф. 802. Оп. 9. Отчёты. Разд.-1. Д. 103. Л. 281об.
18. С-к-й [Сердобольский А.П.] Из воспоминаний Воронежского семинариста 1859 до 1865 гг. / С-к-й [Сердобольский А.П.] // Воронежские епархиальные ведомости. – 1899. – № 17. – Ч. неофиц. – С. 740–751.

Текст поступил в редакцию 02.08.2022.

Принят к печати 03.01.2023.

Опубликован 29.06.2023.

References

1. *Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' nachal'stvuyushchih i prochih dolzhnostnyh lic po vsem upravleniyam v Rossijskoj imperii na 1904* [Calendar address. General list of commanding and other officials for all departments in the Russian Empire for 1904] St. Petersburg, 1904, 150 p. (In Russian).
2. Ignat'ev V.A. *Vospominaniya o Permskoj duhovnoj seminarii nachala XX veka* [Memories of the Perm Theological Seminary of the beginning of the 20th century]. Pts 1–2. 2017–2018 (in Russian).
3. Ignat'ev V.A. *Vospominaniya o Permskoj duhovnoj seminarii nachala XX veka*. [Memories of the Perm Theological Seminary of the beginning of the 20th century]. Pt. 1. 2017, 320 p. (In Russian).
4. Kornilova I.V. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Successes of modern natural science]. 2012, no. 11–2, pp. 67–69 (in Russian).
5. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Fund 1000. File 7. Fol. 107 (in Russian).
6. Popova O.D. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University n.a. S.A. Yesenin]. 2018, no. 1 (58), pp. 7–17 (in Russian).
7. Popova O.D., Popova A.D. *Novyy istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin]. 2017, no. 2 (52), pp. 39–56 (in Russian).
8. Praht D.V. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanities* [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies]. 2012, no. 2, pp. 133–138 (in Russian).
9. Protoierej A.K. *Duhovnye shkoly na rubezhe epoch: uroki istorii. Materialy nauchno-bogoslovskoj konferencii. Kurskaya pravoslavnaya duhovnaya seminariya* [Spiritual schools at the turn of the Epochs: history lessons. Materials of the scientific and theological conference. Kursk Orthodox Theological Seminary]. 2017, pp. 23–41 (in Russian).
10. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3. Vol. 4 (1884): shtaty i tabeli* [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 4 (1884): staffs and report cards] (in Russian).
11. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 802. File 10 (1899). Fol. 30 (in Russian).
12. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 802. File 10 (1902). Fol. 9 (in Russian).
13. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 802. File 10 (1903). Fol. 44 (in Russian).
14. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 802. File 9 (1886). Fol. 8 (in Russian).
15. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 802. File 10 (1908). Fol. 224 (in Russian).
16. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 802. File 9 (1891). Fol. 15 (in Russian).
17. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive] Fund 802. File 9. Otchety. Razd.-1 [Reports. Section -1]. Fol. 103 (in Russian).
18. S-k-j [Serdobol'skij A.P.] *Voronezhskie eparhial'nye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette]. 1899, no. 17, unofficial part, pp. 740–751 (in Russian).

Submitted for publication: August 08, 2022.

Accepted for publication: January 03, 2023.

Published: June 29, 2023.